

УДК: 130.2 ГРНТИ: 02.41.41

«КАК СООБЩАЕТ ГАЛЕН...»: ГАЛЕНИЗМ В ОПЫТЕ АВТОНОМИЗАЦИИ ТЕЛЕСНОЙ ЖИЗНИ

К. А. Куксо

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18

✉ Куксо Ксения Александровна – korsbai@mail.ru

В статье проводится анализ культурно-антропологических влияний рецепции галеновского наследия в средневековой Европе. Исследуются связанные с ней воздействия физической медицины, развиваемой в классический период средневековой истории и ярко представленной Салернской врачебной школой, на различные области повседневности. Демонстрируется, каким образом культивируемые здесь приемы медицинского мышления и терапевтические практики вызвали актуализацию интереса к телесной жизни.

Ключевые слова: гуморальная теория, телесная жизнь, Салернская врачебная школа, переводы и комментарии Галена, медицинские метафоры, самоценность тела.

Финансирование: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Влияние биологии Аристотеля и медицины Гиппократа на формирование учения о человеке в поздней Античности» (№ 16-33-01126)

"ACCORDING TO GALEN...": GALENISM IN THE EXPERIENCE OF BODILY LIFE'S AUTONOMY

K. A. Kuxo

Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
18 Bolshaya Morskaya St., 191186 Saint-Petersburg, Russia

✉ Kuxo Ksenia – korsbai@mail.ru

In this article the cultural and anthropological influence of reception of Galen's treatises in medieval Europe is analyzed. The effects of physical medicine developed in the classical period of medieval history and vividly presented in medical school of Salerno are investigated in connection with their impact on everyday life. It is demonstrated how cultivated techniques of medical thinking and therapeutic practice have caused the actualization of the interest to the bodily life.

Keywords: theory of bodily fluids, bodily life, medical school of Salerno, translations and commentaries of Galen, medical metaphor, offline value of the body.

Funding: The publication was prepared with the financial support of the RFBR grant "The influence of the biology of Aristotle and Hippocrates medicine on the formation of the doctrine of man in late Antiquity" (No. 16-33-01126)

Тенденция сквозной символизации человеческого тела средневековой европейской культуры хорошо известна. Одним из ее выражений выступает спиритуальная физиология с ее артикуляциями устройства и подробностей телесной жизни как важнейшего элемента одиссеи духа. Так состояния, физиологические данности тела представляют постоянную проблему христианской антропологии. Несмотря на многообразие ее рассмотрений, последние тяготели к онтологизму телесной жизни: здоровое тело во всех его морфологических нюансах указывало на царственность человека в Творении [1, с. 23], а его болезненные состояния, соединяющие в себе факт первородной греховности человека и созидание путей искупления, несло в себе радикальное обновление способа быть. Постижение телесных патологий как шанса на преображение манеры существования активно развилось, начиная с раннехристианских теологов [2, с. 211–213].

Не только в эпохальной традиции мышления, но и в толзах социального опыта тело насквозь прошивалось символизмами. Тела святые и проклятые, харизматические и нечистые, мистические и колдовские всецело заполняли поверхность социально-ментальной карты Средневековья. Вопрос символической адаптации, практик социального определения тела в данных культурных координатах

исследован довольно детально. В этом плане достаточно уже указать наиболее емкие работы, известные в отечественном гуманитарном поле: с выходом к анализу символов тел увечных (К. Гинзбург, Ж. Ле Гофф, Ю. Е. Арнаутова), тел власти (М. Блок, Э. Канторович), проклятых (М. Пастуро), нечистых (Ю. Е. Арнаутова, Р. Сеннет), тел святости (П. Браун).

На данном культурном фоне резко высвечивается одна из медицинских традиций, которая всегда фигурирует при попытках определить истоки так называемой рационализации исследований тела на средневековом Западе. Ее связывают с деятельностью Салернской врачебной школы. Историки медицины, прослеживая диагностические методики, терапевтические практики и культурные влияния данной институции, однозначно заключают об ее эпистемологическом и социальном авангардизме. В качестве аргументации здесь указываются культивируемая в ней регулярность анатомирования, разработка традиционных для раннего Средневековья диагностических подходов, новые формы легитимации специалистов по здоровью, гендерная эмансипация их статуса и связанная с ней профессионализация внимания к женскому телу. Но как понимать вырисовывающуюся таким образом тенденцию движения к органическому составу тела остается вопросом. Ведь кажущееся здесь

внедрение в глубины физиологии руководствовалось во многом отреставрированной галеновской теорией, ей были отданы очищенные от символизмов поля органики.

Так, помимо арабских медицинских трактатов в возвращении галеновского наследия, влиятельными оказались переводы Константина Африканского, Альфана, комментарии Арнольда из Вилланова, непосредственно связанных с Салернской школой. Вклад Константина Африканского в становление средневековых моделей медикализации тела сыграл огромную роль. Неслучайно, что знаток средневековых медицинских рукописей К. Зудгоф связывает с его деятельностью истоки «полного господства одностороннего галенизма в латинской медицине Запада»: «В 1076 г. Константин переселился на Монтекассино, который в то время, благодаря известному аббату Дезидерию, был своего рода центром научной жизни. Здесь Константин провел последние годы своей жизни (скончался в 1087 г.), потратив их на то, чтобы выполнить свою литературную задачу; она состояла в латинской переработке сочинений, издание которых сделало «Monachum Casinensem», кассинского монаха, вторым Гиппократом ...; как с явным преувеличением называют его кассинские хроники. Но если это и не так ... то во всяком случае он стал учителем всего медицинского Запада» [3]. Именно эта фигура выступила каналом передачи арабских переработок и отчасти греческих оригиналов трактатов Галена и Гиппократа южной Европе. При этом в ходе переводов классиков античной медицины Константин допускал переинтерпретацию. Именно посредством этой сложной герменевтической цепи, пополняющей исходные тексты добавочными смыслами, Запад узнает гиппократогаленистскую традицию, а переводы Константина направляют преподавание в Париже XIII–XIV вв. и в последующем служат подручной краткой системой памяти уже и для практикующих врачей. В таком случае ясно происхождение аберрации касательно генеалогии Салернской школы, воз водящей последнюю к обители Константина: «Сочинения Константина, писавшиеся в 70 и 80 годах одиннадцатого века в монастыре на вершине Кассино и проникшие оттуда в Салерно, дали повод к совершенно необоснованной легенде о том, будто медицинская школа в Салерно была основана Бенедиктинским монастырем в Кассино. В Салерно уже существовала скромная врачебная школа, известная под своим именем, в то время, когда в монастыре св. Бенедикта, расположенному на горе Кассино более чем в 150 километрах к северу от Салерно, о медицине и других науках еще и не думали. Легенде об основании Салернской школы Кассинским монастырем можно придавать только одно значение: она обязана своим происхождением стремлению разукрасить по возможности воспоминание о том большом влиянии, какое имели труды Константина, написанные им на Монте-Кассино» [3].

Еще одним вдохновителем рождения новой медицины оказался современник Константина Альфан, прошедший сложную социальную карьеру от салернского врача к монаху, а затем и к архиепископу Салерно. Он подготовил перевод с греческого на латынь трактата Немезия Эмесского «О природе человека». И этот выразительный результат синтеза гиппократо-галеновской морфологии с обретающим силы христианством только обогатил галеновское обличение тела.

Так взгляд Немезия на человеческую телесность всецело руководствовался гиппократовской трактовкой устроения тела как смешения четырех первоэлементов, проявляемых

в масштабе тела в виде влаг, соков. Данная теория гуморального состава тела, благодаря усилиям Галена получившая статус догматичной уже в поздней Античности, фундировала определение Немезия телесной природы: «Всякое тело есть смешение четырех стихий и из них состоит» [4, с. 46]. Задаваясь вопросом о генеалогии телесных влаг, Немезий полностью реставрировал гиппократическую идею, накрепко связывая их с первоэлементами сущего: «...четыре влаги происходят из четырех стихий, а из влаг [образуются] омиомерии, которые суть члены тела. Действительно, уподобляют: черную желчь – земле, мокроту – воде, кровь – воздуху, желтую желчь – огню» [4, с. 46].

Проявляя полнейшее почитание гуморальной теории, Немезий пополнил ее одной из существенных идей раннехристианской традиции – бескомпромиссным признанием совершенства, сквозной целесообразности устройства человеческого тела: «Не всякое животное имеет все части тела, но некоторые из них [как бы] изувечены: есть животные безногие, каковы рыбы и змеи; безголовые, каковы раки, крабы и еще некоторые из водяных ...; другие животные лишены легких..., иные не имеют мочевого пузыря, каковы птицы и все не испускающие мочи; черепокожные же лишены очень многих членов, так что даже мало похожи на животных.... Человек же имеет все в совершенстве, как не может быть лучше» [4, с. 47].

Уже в конце XIII в. благодаря врачу, теоретику медицины, эсхатологическому визионеру и алхимику Арнольду из Вилланова галеновское наследие становится оружием для выделения самых весомых к тому моменту достижений в области физиологии и терапии. Симптоматично, что, будучи наиболее авангардным медиком своей эпохи и профессором университета Монпелье, медицинская элита которого отстаивала оппозиционность к Салернской школе, Арнольд собирает компендий ее врачебных подходов и активно комментирует Галена. Сниженный поэтический слог этого лаконичного отчета об эффективных врачебных сценариях и средствах, получившего известность как «Салернский кодекс здоровья», явно свидетельствует об его адресации широкой аудитории. Так Зудгоф отмечает, что изначально эта квинтэссенция врачебных достижений сопровождалась пространным прозаическим комментарием составителя и была значима в качестве путеводителя по здоровой телесной жизни «в течение многих веков ... не только для одних врачей, причем имя автора было забыто» [3].

В этом лаконичном своде знаний по диететики, гигиене, фармакологии, токсикологии, этиологии, терапии, пульсометрии, анатомии и физиологии, включающей даже выводы о психосоматических влияниях, удивителен симбиоз жестко сформулированной теоретической аксиоматики и просторечиво излагаемых бытовых предписаний. Множество содержащихся здесь рекомендаций к образу жизни, системе питания, средствам оздоровления как в отношении внезапного проявления болезней, так и контролируемой медиком патологии, держится на скелете галеновской физиологии. Так этот медицинский документ открывает установку на мерность в телесной жизни («если ты хочешь здоровье вернуть /... / тягость забот отгони /... / скромно обедай ...» [5]; «если врачей не хватает, / пусть будут врачами твоими / трое: веселый характер, / покой и умеренность в пище» [5]). Упоминания четырех элементарных для нее жидкостей возникают в этиологических и терапевтических контекстах («все это черную желчь возбуждает и вредно болящим» [5]; «помни всегда о тепле, в меру пей и полнее

дыши ты. / Все это надо блюсти, коль избавиться хочешь от слизи» [5]; «в пору любую нам рвота полезна: от влаг вредоносных / нас избавляет она ...» [5]). Четыре исходные гумора определяют и сезонные распорядки здоровой жизни. Неравновесность гуморального состава тела вызывает в нем типичные расстройства: в «Салернском кодексе здоровья» обозначены патологии, связанные с переизбытком определенного телесного сока, вплоть до характерных для них онейрических выражений. Кроме этого, Арнольд довольно пространно, не пренебрегая игровой формой, излагает влияния темпераментов тела – обращается к их феноменологическим раскрытиям. Все эти возобновления основ гиппократо-галиновской медицины находят и прямое выражение в определении начального состава физиологии и ее космологической подоплеки: «В теле находятся нашем четыре различные влаги: / Флегма и светлая желчь, кровь и черная желчь. Воплощенье / Флегма – в воде, а в земле себе черная желчь обретают; / Кровь – это воздух, а светлая желчь в огне воплотилась» [5].

Однако важно, что рецитация аксиоматики античных авторитетов полностью не покрывает семантическое поле текста. В «Салернском кодексе здоровья» представлены разветвленные системы диетологии и натуральной фармации, что свидетельствует о зоркости внимательного к углубляющимся толщам эмпирики взгляда. Здесь, к примеру, подробно освещены кулинарные и даже алкогольные предпочтения южно-европейских элит данной эпохи («сладкие белые вина гораздо питательней прочих»; «свежие яйца, багряные вина, супы пожирнее, / Хлеб из тончайшей муки – доставляют телесную крепость» [5]). Кроме этого, регулярность обращения Арнольда к определенным патологиям подтверждает иные медиевистские свидетельства о некоторых из устойчивых фаворитов списков болезней средневекового человека [6, С. 59–60]: в его творении более часто упоминаются порча зубов, расстройства зрения и желудочно-кишечной системы. «Кодекс» знакомит и с мелкими подробностями повседневной истории: благодаря ему становится ясно, что проблемы утраты пышной шевелюры, плохой цвет лица или хрипота голоса коробила бытовые эстетические запросы людей классической эпохи Средневековья («...цвет у лица превосходный / Тоже от лука. Растирьм втирая его, ты сумеешь / Лысой вернуть голове красоту, что утрачена ею» [5]). В тексте встречаются и чистые экзотизмы. Так утренние гигиенические практики рекомендуются как интеллектуальный стимулятор («руки, проснувшись, омой / и глаза водою холодной, / В меру туда и сюда походи, / ... / и зубы почисти. Все это / Ум укрепляет...» [5]), а флегботомия – как надежное терапевтическое средство от буйной психофизиологии дел Венеры («... флегботомия; влюбленным дойти не дает до безумства» [5]).

Явно, что внимание к подробностям телесной жизни, культивируемое различными медицинскими школами классического и позднего Средневековья, и особенно отработанное у салернцев, вызвало у европейца значительный сдвиг в отношении к телу. Именно в XII–XIII вв. резко очерчивается новая тенденция повседневного самосознания: в ряде регионов Европы внимание к вопросам здоровья прочно входит в уклад обыденной жизни. Ю. Л. Бесмертный в своем исследовании демографической истории Франции (IX–XVIII вв.) показывает возникновение в обозначененный период «самосохранительной тенденции», проявляемой в новых теологических, литературных и правовых нормах. Повышенный интерес к земной жизни тела, появ-

ление образцов, посвященных ее самоценности, связывается медиевистом с «экологическим оптимумом», «реальным улучшением возможностей для продления жизни» [7]. Однако представляется, что тренажеры внимания к состоянию телесного здоровья, особенно тщательно проработанные в течение длительной истории Салернской школой, сыграли здесь важнейшую роль. В этом плане неслучайны обвинительные упоминания салернцев в контексте развивающейся в теологических кругах идиосинкразии к носителям чрезмерной погруженности в вопросы тела. Так порицания французского теолога конца XII в. Петра Кантора в адрес устремляющегося в Салерно современника предоставляют исторический, и метафорический материал: он «заботится больше о теле, чем о душе, бежит в Салерно, советуется с докторами, изучает гражданское право, пренебрегая божественным законом, тратит больше на тело и мир, чем на душу и небеса» [8, с. 270].

Однако, несмотря на осуждения, сам теологический курс XII–XIII вв. обильно пополняются медицинскими метафорами и образами. Тонкие свидетельства данного медико-теологического альянса приводятся в исследовании У. Блэка «Средневековая исповедь как врачевание». Предлагаемые здесь материалы по привлечению теологами подробностей телесной терапии, с намерением перевести практику исповеди в разряд регулярных, приводят к выводу о социальной успешности ее значений. Данный прием включения терапевтических образов в теологические обоснования необходимости регулярной исповеди свидетельствует о сугестивности значений последних. Так Бернар Клервосский сравнивает различные процедуры покаяния с действенностью исцеляющей мази: «Мазь раскаяния – это *pungitivum*, причиняет боль; мазь молитвы – это *temperativum*, успокаивает боль; мазь благочестия – *sanativum*, изгоняет болезнь» [8, с. 263]. А архиdiакон Лондона и Бата Петр из Блуа насыщает описание покаяния деталями процедур кровопускания, находя спиритуальный эквивалент даже флегботомии: «... он соотносит исповедь с изначальным вскрытием вены, а само горе от покаяния с флегботомией и удалением избытка поврежденных жидкостей» [8, с. 266]. Эти колоритные примеры показывают, что подходы к физической медицине учреждали определенные прескрипции вниманию. Так достижения медиков серьезно сказались на спиритуальном опыте европейца. В результате их влияний практики заботы о душе обретали более регламентированный и дифференцированный характер: в исцеляющейся душе устанавливались явно большее число состояний и все более усложняющаяся сеть их взаимосвязей.

Но несмотря на столь благополучную социальную карьеру, сильную влиятельность в отдаленных от непосредственной жизни тела сферах, медицинские разработки классического периода Средневековья располагали ограниченными образами тела. Жестокий доступ к без-образному телу, к откровениям подробностей его материальности и распада европейцы получат в опыте эпидемии черной смерти.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорий Нисский. *Об устройении человека*. СПб.: Axioma, 2000. 220 с.
- Куксо К.А. От «голодной души» к «духовной ясности»: экзистенциально-теологические аспекты опыта болезни в средневековой культуре // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Том 17. № 1, 2016. С. 205–213.

3. Зудгоф К. *Медицина Средних веков и эпохи Возрождения*. URL: <http://annales.info/evrope/med/02.htm>
4. Немезий Эмесский. *О природе человека*. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2011. 464 с.
5. Арнольд из Виллановы. *Салернский кодекс здоровья*. Пер. с лат. Ю.Ф. Шульца. URL: <http://www.rulit.me/books/salernskij-kodeks-zdorovya-read-421102-1.html>.
6. Куксо К.А. *В обход жертвенности (социальные импликации эпидемического опыта)* // EINAI: Проблемы философии и теологии. Том 5 (1/2), 2016. С. 57-70.
7. Бессмертный Ю.В. *Жизнь и смерть в Средние века. Очерк демографической истории Франции*. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=4186
8. Блэк У. *Средневековая исповедь как врачевание* // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78 (1-2). М.: Наука, 2017. С. 255–275.

Поступила в редакцию 28.12.2018